

ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОДЕЛЕЙ КОММУНИКАТИВНЫХ ЕДИНИЦ КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Модели со словесно выраженными именами отношений, явно представляющие компонент R, представлены несколькими структурными типами, которые различаются, во-первых, тем, слово какой части речи выступает в качестве имени отношения, и во-вторых, тем, в какой форме предстает второй участник отношения. Сейчас в мою задачу не входит подробный анализ разных возможностей реализации данного типа конструкций. Поэтому я ограничусь демонстрацией самых типичных реализаций этого типа.

Весьма характерна под этим углом зрения конструкция, которую представляет формула *Ним Ндат (Ним сор)*; **кырг.** *Сен мага дос – Ты мне друг; Мурат ага кайнага – Мурат ей деверь (точнее, старший брат мужа); Динара мага теңтуш – Динара мне ровесница; ср. также: Мен сага кул эмес – Я тебе не слуга.*

Здесь участники отношений – конкретные люди, представленные личными местоимениями – ты, я, она, или личными именами – Мурат, Динара. Одно из этих имен – подлежащее, и стоит в именительном падеже (в тюркских – в неопределенном), другое, видимо, дополнение – в дательном падеже. Третье имя есть имя отношения, связывающего аргументы, т.е. названных людей. В одном из примеров в роли имени отношения выступает имя собственное, точнее сказать, форма имени собственного: имя Мурат подразумевает приятельские отношения: полное имя с отчеством – формальные, отчужденные; в другом – образная характеристика негативного типа.

Формы, в которых предстают и второй член отношения, и само имя отношения, варьируют достаточно широко. Имя отношения может выражаться и именем существительным, и именем прилагательным, и наречием, и именами наличия и отсутствия – **тюрк.** *бар – есть, жок / чок / жок / суох* и др. – нет. Второй член отношения может быть выражен разными падежными и падежно-последложными формами имен существительных и местоимений. При этом падежные формы при одном и том же предикате могут варьировать, например, дательный падеж, родительный, творительный.

В русском языке тюркским падежным формам часто соответствуют падежно-последложные формы. В частности, значения местного падежа, широко используемого в тюркских языках, в русском передаются только предложн - падежными формами: *Биздин класста мен староста – В нашем классе я староста; Үй-бүлөнүн башы-Петр -Петр в семье голова. Ср. также Абам үй-бүлөбүздө атабыздын ордуна – Мой старший брат в нашей семье вместо отца (Абам үйбүлөбүздө чоң киши – Мой старший брат в нашей семье главный).*

Прилагательные в тюркских языках не имеют обязательных морфологических признаков, поэтому их противопоставленность существительным гораздо слабее, чем в русском – во многих случаях трудно бывает их разграничить. Роль прилагательных как особого типа имен отношений наиболее четко проявляется в сравнительной конструкции с исходным падежом имени второго участника отношения: {N_{им} N_{исх} (A сор)}.

Именные предложения, содержащие третий компонент, выражающий отношение, связывающее объекты, представленные первым и вторым компонентами, структурно и семантически очень разнообразны, и значимость их формальных и содержательных характеристик еще предстоит выяснять. Но в данный момент существенно то обстоятельство, что в них не только представлен этот третий компонент, но и очевидна его специфическая функция в составе конструкции, то есть тот факт, что именно он выражает отношение – и “законно” выступает в функции присвязочного имени, то есть знаменательного компонента именного сказуемого.

На фоне этих конструкций становится видным и противоположное свойство

биноминативных конструкций, в составе которых оба имени существительных представляют аргументы отношения, оставляя само отношение не названным.

Традиционный грамматический анализ признает сказуемым в этих предложениях единство связки и второго имени существительного, то есть имени второго участника отношения. Не споря с этой установившейся традицией, я не могу тем не менее оставить без внимания различие, которое считаю очень существенным для понимания общей системы именных предложений. Достаточно очевидно, что в биниминативных предложениях позиции имени отношения соответствует не имя второго участника, а пустота, “значимый нуль”, который в синтаксическом плане можно охарактеризовать как предикат. Иными словами, понятия сказуемого и предиката в этом случае расходятся. Поскольку мы признаем сказуемое обязательным членом предложения, мы относим, “привязываем” ко второму знаменательному компоненту ту собственно синтаксическую “дополнительную нагрузку”, тот грамматический смысл, – семантику эквивалентности – который остается невыраженным и реконструируется, домысливается говорящими в процессе понимания фраз.

Иначе говоря, предложения $N_{им}$ (есть) $N_{им}$ или $N_{им}$ (сop) $N_{им}$ можно признать содержащими сказуемое $\{N_{им}$ (сop) или $\{(сop) N_{им}\}$, но $N_{им}$ в составе этой формулы не представляет предиката. Предикат здесь – “значимый нуль”, читаемый как эквивалентность. Этот смысл “привязан” именно к тому компоненту содержания связки, который по-русски выражается словом “есть”.

Только в трехкомпонентной конструкции с выраженным именем отношения именное сказуемое “складывается” из предикатива – имени отношения и связки.

Третий тип именных предложений составляют предложения, занимающие среднее, промежуточное положение между предложениями, содержащими лексически выраженный предикат и не содержащими такового. Сам этот тип выделяется вполне четко, но границы его размыты.

Речь идет о таких предложениях, где отношение между аргументами выражается, но не словами, а грамматическими показателями. Грамматическими показателями называют не только синтетические компоненты словесных форм, **аффиксы**, но также и **служебные слова**. В данном случае имеются в виду служебные слова, способные сопровождать имена участников отношения, выражая собою их отношение к другому участнику. Это прежде всего послелогов в тюркских и других алтайских языках, предлоги в русском и других европейских; к послелогам примыкают и своеобразные тюркские “служебные имена”, занимающие промежуточное положение между послелогам (к которым они близки функционально), существительными в формах притяжательного склонения и наречиями, – ср. **рус.** *Вокруг сада высокий забор* и *Вокруг тишина*. Границу класса служебных слов, выступающих в роли показателей отношения, составляют слова, не имеющие в грамматике четкой частеречной принадлежности и устойчивого грамматического статуса. Иногда их называют послелогам – но, с нашей точки зрения, они по своей природе являются именно именам отношений, предикатами трехкомпонентных именных предложений, то есть принадлежат рассмотренному выше типу.

Наиболее ярко рассматриваемый тип представлен двухкомпонентными предложениями, в которых второй компонент выражается определенной падежной формой. Падежный аффикс в таких случаях четко выражает либо одно – ведущее – значение данного падежа, либо, если падеж многозначен, в разных контекстах разные оттенки (варианты) его значения.

Предложения этого типа в литературных текстах встречаются нечасто, поэтому наша выборка в этой части ограничена. Тем не менее в ней представлены предложения с разными падежами второго компонента на алтайском, тувинском и хакасском языках, и носители языков понимают их и стоят естественно и легко. Приведу примеры:

Родительный падеж выражает значение принадлежности:

Бул музоо Кунаштын – Этот теленок Кунаши (кличка коровы); *Бул балдар эжемдин* – Эти дети – моей сестры;

Дательный падеж выражает значение предназначенности, адресованности: *Бардыгы фронтко* - Все (букв. все вещи) фронту! **Исходный** падеж выражает значение источника в нескольких вариантах:

- откуда прибыл, происходит человек или предмет: *Мен Көлдөн* – Я из Иссык-Куля;
- от кого получено: *Бул белек кимден?* – Этот подарок от кого?
- из чего сделан предмет: *Бул үзүк алтындан* – Это кольцо из золота

Местный падеж в этой функции используется очень широко и уже рассматривался в специальной работе. Поэтому ограничусь простейшим примером: *Атам үйдө, энем бакта* – Отец=мой дома, мама=моя в саду.

Творительный падеж в тюркских языках молодой, он складывался на базе сочетания существительных с послелогом совместности *менен*; без послелога он употребляется преимущественно в орудийном значении. В данной конструкции в этом значении эта форма не встречена. В совместном значении отдельные примеры есть. Но чаще в том же значении эти формы употребляются в сочетании с послелогом: *Биз мугалим менен болгонбуз* – Мы были с нашим учителем;

В тюркских языках есть послелоги, управляющие каким-либо косвенным падежом, и есть такие, которые следуют непосредственно за падежно немаркированной основой. В этом случае их функция чрезвычайно близка к функции аналитического падежного аффикса, которым послелоги часто и “стремятся стать”. Это и произошло с послелогом *менен*, это же происходит и с пространственными послелогом адлокации (куда?), на базе которых в хакасском, шорском и алтайском формировались и формируются направительные падежи.

Но, например, общетюркский древний послелог *учун* (в разных фонетических вариантах) – ‘для, ради, за’ не обнаруживает тенденции превратиться в аффикс. А в конструкции, сходной с только что рассмотренной, он выступает как аналитический показатель отношения – как предикат отношения – оставаясь явно “служебным словом”. Например: *Эми Баатыр-бала учун* – Теперь за Баатыр-бала.

Довольно широко используются в подобных конструкциях и послеложно-падежные сочетания, а также сочетания полных существительных со служебными именами в форме местного (а в тувинском и дательного) падежа. При переходе в план прошедшего или будущего местный падеж сменяется дательным.

Не задерживаясь больше на падежно-послеложных формах, показателях отношений, коротко коснемся некоторых других типов.

Под этим углом зрения заслуживает внимания аффикс обладания =луу. Статус “лыговых” форм в тюркологии остается противоречивым, как противоречивы сами эти формы. Здесь неясен как термин “форма”, так и статус аффикса, и частеречная интерпретация формы. Обычно образования на *лыг/=луу* оцениваются как прилагательные. Но прилагательные не принято называть “формами” (существительных). Образуются же “формы на *лыг/=луу* от существительных, связь с которыми разными словами сохраняется в разной степени. Но в данном случае идет речь только о предикативном употреблении этих форм, а конкретнее – о том, что аффикс *лыг/=луу* выступает в роли показателя отношения, которое связывает подлежащее предложения с лицом, предметом или понятием, обозначенным основой существительного, принимающего этот аффикс. Это отношение – обладание.

Аффиксу необладания =сиз в казахском и многих других тюркских языках, здесь соответствует предикат отрицания *жок*.

Другая группа форм, заслуживающих внимания под данным углом зрения – это формы, обслуживающие сравнение, передающие **компаративные отношения**. Объем понятия “компаративные отношения” в специальной литературе строго не определен – в известном смысле “все познается сравнением”, сравнение – одна из основных форм, в

которых протекает наше мышление. Соответственно этому, формы и способы выражения сравнения тоже разнообразны.

В кыргызском языке имеется аффикс сравнения =дай, который, как и аффиксы падежей, способен выражать предикативные сравнительные отношения. Например, *Алия жаши баладай* – Алия как малый ребенок;

С нашей точки зрения, это один из компаративных предикатов.

Как видим, этот предикат сочетается с прямой формой существительного. Предикат сочетается с косвенными формами – чаще всего с дательным, но иногда и с творительным падежом.

В тюркских языках есть немало и других слов, типа *башка* ‘другой, не такой, не похожий’, которые функционально примыкают к компаративным показателям “с обратным знаком”, как показатели несходства, а также и показателей других отношений. Некоторые из них оцениваются в грамматиках, в словарях и в разных специальных работах и как прилагательные (что, в общем-то, верно), и как послелогии, иногда как частицы – но их специфические лексико-семантические варианты, функционирующие как предикаты отношений вообще никак не фиксируются. Между тем они, на наш взгляд, заслуживают внимания как составляющие особый функциональный подкласс в рамках класса прилагательных. Кстати сказать, в этот подкласс входят и все прилагательные, выступающие в качестве предикатов в трехчленной конструкции $N_{ини} N_{исх} A$, напр.: *Асел Динарадан сулуурак - Асель красивее Динары*.

В нашем исследовании была попытка показать своеобразие именных предложений по сравнению с глагольными. Оно видится нам прежде всего в том, что ими передается инвариантное значение отношения, которое противостоит значению процесса как инвариантной семантике предложений, формируемых глаголами.

Именная предикация отличается от глагольной и по ее отношению к самой категории времени: если процесс “протекает во времени”, развивается параллельно с движением времени, то отношение, в принципе, лишь существует во времени, поскольку существуют во времени связанные им “предметы”, аргументы, и поскольку говорящий связывает данное отношение между ними со шкалой времени с центром “момент речи”. Эта “нулевая точка” во многих языках маркируется нулевой связкой.

В биноминативных предложениях оба существительные представляют участников отношения, отношение между которыми остается невербализованным. Оно может интерпретироваться в довольно широком спектре возможностей, прежде всего в зависимости от объема и типа лексического значения каждого из двух имен, но за всеми интерпретациями стоит общий инвариант, который мы называем эквивалентностью; в частности, имя индивида эквивалентно имени класса (индивид входит в класс) имя вида эквивалентно имени рода и мн. др.

Литература:

1. Абдуллаев С.Н. Структурно- семантические модели простого предложения. - Каракол: Изд-во Иссык-Кульского государственного университета, 1992.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. - М.: Наука, 1976.
3. Арутюнова Н. Д. Сокровенная связка (проблема предикативного отношения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39, № 4. - С. 347–358.
4. Белошапкина В. А. Синтаксис // Современный русский язык. - М., 1997. С. 606–869.
5. Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. - М., 1977.
6. Богданов В. В. Семантико– синтаксическая организация предложения. - Л., 1977.